

Сергей Эфрос

Пиво для Мертвых

16+

Сергей Эфрос

Пиво для Мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40105227

SelfPub; 2019

Аннотация

Мистический триллер о любви, которой тысячи лет. Библейские персонажи живут вместе с нами на Земле, и постепенно под давлением обстоятельств извечный вопрос – что делать, возникает во весь рост и приводит к войне между добром и злом, почти вызвав Армагеддон. Схватки идут повсеместно за контроль над сознанием людей, любые средства идут в ход – от предательства до убийства. Однако, вооружившись чёрным юмором и верой в счастье, которого не найти, достигается перемирие, жизнь продолжается, доказав в очередной раз, что все суета сует и всяческая сута.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Администрация духовных учреждений и организаций, всех Традиционных и Нетрадиционных Конфессий и Сект не несет никакой персональной ответственности перед верующими, за их взаимоотношение с Господом.

Пролог

Первое, что я увидел в начале своей жизни, это мутная, как река после дождя, жидкость, зеленоватого цвета и соленая как кровь. Она слабо колышится под напором вдуваемого кислорода и плещется о скользкие стенки купели. Перед глазами картинки с изображениями и знаки, похожие на вспышки света, в уши барабанят какие-то звуки, и все это вместе ничего не значит. Однако постепенно и картинки, и знаки, и звуки начинают прорастать в меня, приобретая все более осмысленные образы, и через какое-то время я начинаю понимать, что я человек и мое имя Атрахаис¹, мне 32 биологических года, и что создан я Ану² и Нинту, из крови и плоти их, и по их подобию, при участии Энки, и под руководством Самаеля³ одного из Падших Ангелов. Осознал я, что преднозначенно мне быть первым среди людей, создан-

¹ Атрахаис – согласно представлениям шумеров, первый человек, созданный Богами.

² Ану, Нинту и Энке – боги-основатели в шумерской мифологии, члены экипажа космического корабля нибирийцев.

³ Самаель – Яд Бога (иврит), одно из воплощений Сатаны.

ных Нифилим⁴, прилетевшими с планеты Нибиру⁵ на Землю добывать золото.

Однажды отверзлась купель, и вместе с потоком жидкости я вывалился на металлический пол, отчетливо понимая, кто я и где я.

Я находился в генетической лаборатории на территории базы, построенной на Земле Нифилим, 3600 лет назад, на огромном острове, вблизи континента, который в последствии, через 450 тысяч лет, будет называться Африкой. И через многие сотни тысяч лет будет назван остров этот Атлантидой.

Меня окружали гиганты ростом 4 метра, бурно выражающие свой восторг по поводу моего рождения. Я, растерявшись, растянулся крестом на полу, и начал, не поднимая головы, произносить хвалебные и жалобные слова в их адрес, моля о пощаде.

– Встань человек! – сказано было мне. – Не бойся ничего, но слушай. Иди за Энки, он покажет тебе все вокруг и завтра, пройдя процесс Перерождения, который мы проведем, используя специально написанный для тебя Левиафаном⁶ курс нейролингвистического программирования, ты мгновенно получишь все знания и навыки, известные нам и Падшим Ангелам, нужные тебе для дальнейшей жизни!

⁴ Нифилим – «сошедшие с Небес» (Быт.), самоназвание расы нибирийцев.

⁵ Нибиру – не существующая ныне планета солнечной системы.

⁶ Левиафан – Падший Ангел, одно из воплощений Сатаны

Утром следующего дня, когда солнце только позолотило верхушку громадной дамбы гидроэлектростанции, за мной пришел Энки.

– Идем со мной Атрахаис! – повелел он, – Ду⁷ не может ждать, хватит медитировать, пора заняться делом!

Я немного нервничал, потому потел от страха и непрерывно дрожал от утренней свежести.

– Не трепещи, человек! – сказал Энке, – процедура эта неизбежна, и ничто во Вселенной не может отменить ее, только Боги. А они далеко, и им не до нас!

Ободренный необратимостью события, я перестал дрожать, распрямил плечи и вошел навстречу своей судьбе в открытые ворота Ду.

Все были там, весь экипаж корабля во главе с капитаном в строгом и торжественном строю, застыв, как огромные памятники самим себе, ждали нашего появления. В полной тишине меня провели на середину зала и усадили в кресло. Руки и ноги закрепили металлическими защелками, на голову надели шлем, от которого огромное количество проводов шло к странного вида агрегату, помесь компьютера с газанокосилкой.

В машине что-то непрерывно щелкало и жужжало, отчетливо пахло озоном и еще чем-то невыразимо приятным и дурманящим, к чему я, как ни силился, не мог подобрать определение.

⁷ Ду – перерождение (шумер.)

Нинту подошла ко мне, и поднесла к моим губам сосуд с зеленой, как ее глаза, жидкостью.

– Испей! – велела она. – И познаешь ты Жизнь и Смерть, и обретя свою Зи⁸, станешь ты близко к нам и будешь вкушать плоды с дерева знаний, и поведешь за собой других людей во имя спасения тех, кто создал тебя и которых мы создадим потом вместе с тобой, подобных тебе.

И выпил я поднесенную мне жидкость, и была она сладка как мед и горька как слезы и горяча как лед.

Гудение машины делалось все громче и громче, заиграла странная ритмичная музыка, а Нифилим стали монотонно повторять короткую фразу на языке богов.

От всего этого я начал впадать в транс, и забился в кресле в страшных судорогах, пронзенный острой болью от головы до ног.

Вдруг между мной и машиной проскочила ветвистая молния, и мое сознание отделилось от меня и повисло в воздухе рядом, и увидел я искаженное болью лицо свое.

Фраза на языке богов прострелила мне сердце, и я превратился в яркую точку, освещающую мне путь к выходу из туннеля, в который я провалился, медленно раскалываясь на части, крутящиеся по спирали вокруг земной оси.

В ужасе, пытаясь собрать себя в одно целое, я услышал издалека слова Энки:

– Пойми и прости нас человек, мы ждем тебя обратно,

⁸ Зи – душа (шумер.).

наш младший брат.

И зацепившись руками и ногами за эти слова, свитые в нить, я внезапно, с невыносимой для моего раздробленного разума ясностью, осознал все законы мироздания, от альфы до омеги.

Нифилим показывали мне пейзажи Нибиру, громадной планеты с плотно населенными городами, тонкой, как лист бумаги, атмосферой, на две третьих окруженной пластинами из золота, не позволяющим губительному космическому излучению уничтожить живое на поверхности родины Нифилим. Золото, которое добывали мы, должно было надолго отодвинуть гибель Нибиру, чтобы дать Нифилим время решить глобальную задачу по переправке населения на другую, более подходящую для жизни, планету.

Тысячу лет в поте лица своего добывали Нифилим золото на Земле, но было мало их, чтобы успеть к назначенному сроку, и потому создали они нас, людей, по образу и подобию своему, вдохнув в нас жизнь, для помощи самим себе, а также потому, что мало было женщин у них на корабле и скучали они вечерами.

...И встал я с кресла, и пошел с Энке, вооруженный знаниями, и приступили мы с Нифилим к созданию людей мужского и женского рода, и делали их без счета и без отдыха, и на пятнадцатый день закончили акт творения. Нифилим отдали мне людей, чтобы выбрал я себе жену, а остальных распределил по парам, и если останется женщины без пары,

то заберут их себе Нифилим в жены. И проделал я все, взяв себе в жены девушку по имени Лилит, красивую, как звезда на ночном небе, и ласковую, как майское солнце. И еще определил я себе помощника по имени Ной, молчаливого и покорного, как агнец перед закланием.

Дни текли, как вода за плотиной, что возвышалась над базой на дне ущелья. Я учил мужчин работе на различных механизмах, необходимых для разработки месторождения золота. Металл следовало переправить на Нибиру грузовыми планетолетами, ожидаемыми Нифилим уже тысячу лет.

Мы построили дома и Храм Единого Бога в городе людей, названном Эдем, отгороженный от города Нифилим, Нода, огромной стеной из базальта. Я был жрецом. Люди приходили в Храм каждый вечер, и я, при помощи Нифилим и компьютерной голографии, прививал жителям Эдема веру в Единого Бога и неизбежность тяжелой работы на шахте, во имя Их и для Них. После службы в Храме я возвращался домой, где ждала меня Лилит, и все происходило, как в первый раз, мы любили друг друга и хотели быть вместе всегда, от заката и до рассвета.

Наконец, обученные Нифилим люди, приступили к работе. Огромные механизмы, похожие на раздувшихся от гордости черепах, вгрызались в скалу, прорубали туннель высотой двадцать метров. Вынутая порода испарялась гигантскими тепловыми лазерами, и потому над площадью перед входом в будущую шахту всегда колыхалась грязно коричневая туча

из раскаленных паров, медленно поднимающаяся в небо. По штрекам шахты сновали юркие, как стрекозы, артигравы, отвозившие золотоносную руду на обогатительный завод, где металл очищали от породы и сплавляли в слитки для последующей транспортировки на склад космодрома.

С разрешения Нифилим Лилит и Ной прошли, как и я, процесс Перерождения и вполне овладели частью сакрального учения Падших Ангелов, называемой людьми магией, то есть превращением предметов без оборудования, но при помощи слова и энергии природы. Почти бессмертные, как Нифилим и я, живущие около 360'000 лет, Лилит и Ной стали мне необходимы, как воздух, взяв на себя часть моих забот. В частности, они помогали мне в управлении общиной людей, быстро завоевали доверие и авторитет, умело манипулируя безоговорочной верой в Единого Бога и полным отсутствием свободы воли и гражданского общества. Люди работали шесть дней в неделю и отдыхали по субботам.

Нифилим часто брали в жены наших женщин, они рожали детей, которые жили вместе с ними за пределами Эдема, отличаясь высоким ростом и надменным поведением. Вырастая, эти отпрыски становились инженерами и врачами, потому что не хотели Нифилим иметь образованных людей, так как не доверяли нам до конца.

Поколения сменяли поколения, расширялся Эдем, и вместе Эдемом росли мы, приняв веру Нифилим, их обычаи и образ жизни. Изумительной красоты Храм стоял на холме

посредине Города. От него в разные стороны расходились прямые и широкие улицы, застроенные просторными домами.

Нифилим все так же жили отдельно, за высокой стеной, окружающей Ноду. С людьми общались, в основном, ксенопсихологи во главе с Энке.

Он любил меня, как собственного сына, и мы часто проводили субботы в беседах.

Однажды, когда мы сидели в беседке за бокалами вина Энке рассказал мне историю Нифилим:

Были другие до нас, пришедшие из иной Вселенной во главе с Привечным, чье имя есть Суть всего Сущего и не было тогда ничего кроме хаоса!

В начале сотворения Всесильным небесного и земного,
Когда земное было невообразимым хаосом и тьма покрывала бездну,

дух Всесильного витал над поверхностью вод,
Сказал Всесильный: – Да будет свет! – и возник свет.
И увидел Всесильный, что свет – это хорошо,
И отделил Всесильный свет от тьмы.⁹

И создал Вседержатель твердь, воздух и воду и затем создал нас, кого вы называете Нифилим!

Прошло время, и распределился Он среди всего Сущего, соединив Собой две Вселенные. Но остались часть Его свиты

⁹ Тора

на Нибиру, изгнанные им, ставшие частью Господина Другой Стороны – Люцифера, называющие себя Падшие Ангелы, нелегально, как политэмигранты, потому что когда уподобились они Творцу и начать творить Бытие, создав вместе с нами людей и вдохнув в вас Душу, то разгневался на них Вседержатель. И вынужденны были они бежать от кары Господней, которая отложена до поры, но настигнет их рано или поздно. Поэтому с начала времен и до сих пор живут они среди нас на Нибиру. На Корабле, прибывшем на Землю, их двое, Самаель и Левиафан. Через них идет связь между Вселенными: нашей и созданной Господином Другой Стороны. Там происходят события, неизвестные нам. Мы знаем только, что Падшие Ангелы постоянно перемещаются туда и обратно, получают инструкции, проходят переподготовку в специальных центрах, согласно изменяющимся условиям Бытия.

И четверо Смотрящих за Солнечной Системой оставил Вседержатель, и зовут их: Михаил, Гавриил, Рафаил и Уриил. Они отвечают за связь между нашими Вселенными и сохранение равновесия Всего Сущего!

В один из дней, похожих друг на друга, как парочка лейкоцитов, я, возвращаясь из Храма домой и решил прогуляться по берегу озера в ближайшем парке. Людей на берегу было немного, и я сразу заметил его, не похожего ни на кого из известных мне существ.

Высокий, как Нифилим или Падший Ангел, он отличался

от них светлым оттенком кожи, открытой улыбкой и исходящей от него силой, мощной, но не подавляющей волю, но вызывающую радость от сознания, что есть нечто, защищающее всех в этом мире. Приблизившись ко мне, он сказал:

– Меня зовут Михаил, я знаю, кто ты, и что сейчас тебя зовут Атрахаис и ты первый из людей, созданный ниберийцами!

Подготовленный рассказами Энке, я сразу понял, кто это, и молча и смиренно ждал продолжение разговора.

– Не бойся меня, – продолжил Михаил, – я просто часть Коллективного Высшего Разума, называемый вами Привечным, Творцом всего Сущего и Сутью Бытия, чье Имя не известно никому, принявший форму человека, привычную тебе, пришедшего из другого пространственно-временного континиума для борьбы с Хаосом, к которому всегда стремится бездушный Космос, возникший так давно, что память об этом событии потерялась во времени и пространстве!

– Вначале было Слово, и мы создали из Хаоса Все Сущее, а затем и Нибирийцев, которые, как ты уже знаешь, создали вас, пользуясь технологией, предоставленной Самаелем и Левиафаном – Падшими Ангелами.

– Так что же есть Падшие Ангелы и Люцифер? – спросил я.

– О, они являлись частью Высшего Коллективного Разума, называемого вами Богом, изгнанной Вседержателем за попытку создания альтернативного Бытия в существующей

реальности, то есть вас, и лишённую в связи с этим актом теократического терроризма и нонкорформизма возможности воссоединения с Творцом навсегда. Они пребывают в созданной ими Вселенной под управлением Коллективного Разума под названием Люцифер! Пройдет много сотен тысяч лет, и один из вас получит Десять Заповедей, по которым вы должны будете жить, чтобы в конечном итоге, соединиться со своим Создателем, будучи сейчас временно отделенной от Него частью, существующей в виде Разумной Белковой Протоплазмы.

– А люди имеют право выбора между разными планами Бытия? – спросил я Михаила.

– Все, имеющее вечную душу, обладает правом выбора. И ответственность за выбор лежит на выбирающем! – ответил мне Михаил и продолжил:

Всё, как всем: одна участь праведному и нечестивцу,
Благому и чистому, и нечистому;
Приносящему жертвы, и тому, кто не приносит жертвы,
Как благому – так и грешному,
Как клянущемуся всуе – так и боящемуся клятвы;
Ибо участь для всех одна;
Потому-то осмеливаются люди на зло,
И пока они живы, в их сердцах – безумье,
А после этого – к мертвым.¹⁰

¹⁰ Екклезиаств, 9.

Закончив свою речь, Михаил сделал паузу и вновь обратился ко мне:

– Иди домой Атрахаис и укрепи дух свой, потому что недобрые вещи случаться с тобой!

– Почему не поможешь ты мне, Михаил? Ведь ты всемогущь!

– Вы, люди, не понимаете того, что живете в мире иллюзий, где все предметы материального мира, окружающие вас, созданны и существуют только в вашем Сознании, представляющим из себя Квантовый Голографический Компьютер – Отражение Чистого Разума Творца Всего Сущего. Согласно Голографической модели Вселенной прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно в Сознании каждого из вас. И в любой части Голограммы заключена все картина Мироздания. Все то, что Творец Всего Сущего сказал, говорит и скажет, находится в Сознании каждого индивидуума. Для того чтобы получить эту информацию и понять ее, нужно только войти в резонансное состояние с Чистым Разумом, то есть уверовать в Господа, правильно настроив существующий у каждого в голове, Квантовый Голографический Компьютер – Отражение Высшего Коллективного Разума, и всегда помнить, что только неиссякаемый Источник энергии – Вседержатель, – позволяет существовать процессам с локальным убыванием энтропии, таким, как развивающаяся от простого к сложному человеческая цивилизация. Утратив веру в Господа, вы потеряете источник энергии, что

приведет к неконтролируемому увеличению энтропии – хаосу, и в конечном итоге, к квантовому переходу Отражения реальности Бытия Всего Сущего на нулевой энергетический уровень, с образованием Черной Дыры, на Суперголограмме базовой матрицы созданной Вседержателем. Подумай об этом Атрахаис, и ты поймешь, что у каждого есть выбор, даже у тебя! – загадочно сказал Михаил и испарился в вечернем воздухе Эдема.

В раздумьях о своей судьбе пошел я из парка домой и увидел, что окна в жилище моем темны, как ночь.

Последнее время, приходя вечерами с работы, я не заставал Лилит дома, и в одиночестве грустно съедал остывший ужин, коротая время до ее прихода беседами с Ноем, который сообщал мне последние новости.

– Ты знаешь, Атрахаис, – сказал он мне как-то в один из таких и грустных, как ночь на болоте, дней, – что Самаель и Левиафан создали Общество по изучению Добра и Зла как философских категорий с точки зрения их влияния на структуру Сотворения Мира?

– Откуда мне знать это, я все время провожу в Храме? С другой стороны, это ведь твоя и Лилит прямая обязанность контролировать ситуацию в Эдеме!

– Они собирают людей в заброшенном доме на границе Нода и Эдема, Лилит тоже с ними, и их становится все больше и больше! Самаель учит людей, что Зло невозможно победить, что Вседержатель создал Зло в противовес Добру,

для поддержания равновесия Всего Сущего, и тот, кто исповедует Зло, не противоречит воле Вседержателя, а наоборот способствует укреплению Его в нашем мире! И еще призывают они людей не добывать золото для Нифилим, потому что создали Нифилим нас, как рабов своих, и используют, как животных. Оказывается, много есть недовольных, и призывают Самаель и Лилит их к бунту! И я больше не говорю с Лилит, точнее сказать, это она не хочет говорить со мной, потому что вся ее жизнь теперь принадлежит Господину Другой Стороны. Забудь ее Атрахаис и вырви ее из своего сердца навсегда, как сорняк с огорода!

– Как же я могу это сделать Ной, ведь я люблю ее тысячи лет и страсть точит мое сердце, как капля воды точит камень, вся моя жизнь связана с ней и не мыслю я жизни без нее!

– Так потеряешь ты свою жизнь или свою бессмертную душу!

Энке и я вышли из антиграва и пошли по одному из штреков шахты к вновь открытому месторождению золота

– Послушай меня, Атрахаис, – сказал мне вдруг Энке. – Я долго не хотел говорить тебе, но через двести лет прилетят корабли, чтобы забрать золото. Тогда Нибиру максимально приблизится к Земле. Наши расчеты показывают, что орбиты будут пролегать так близко, что это вызовет катастрофические землетрясения, извержения вулканов и Великий Потоп, который убьет все живое на седьмой планете!

Я пришел в ужас от услышанного, лица тысяч землян за-

мелькали перед моими глазами, вспыхивая и пропадая, как светлячки в тихую летнюю ночь.

– Что же делать нам? Вы ведь не оставите нас одних умирать!

– Все дело в том, что вас, людей, слишком много, и не можем мы ничего сделать, не можем вывести вас с погибающей планеты, а все Нифилим улетят, оставив даже своих детей!

– Неужели нет никакого выхода, такого не может быть, ведь не бывает нерешаемых задач, а есть неприятные решения!

– Многие из нас, Нифилим, не относятся к людям так, как я или Ану. Они не любят вас, считая, что вы биороботы, не имеющие души, и все равно им, умрете вы или нет!

– Для меня это не тайна. Известно мне, что некоторые из вас ненавидят людей и видят в нас своих конкурентов в будущем. Но и ты, и я знаем, что люди чтят Нифилим, как Богов, и готовы на все ради них!

– У меня есть план. Некоторые из нас, включая меня, Ану и Нинту, решили спасти людей. Мы создадим чертежи космического корабля, летящего со скоростью света, вы улетите на нем и полет продлится двадцать лет. Благодаря парадоксу близнецов, одному из релятивистских эффектов, на планете, куда вы вернетесь, пройдет сотня тысяч лет, и Земля будет вновь пригодна для жизни. Однако корабль не сможет забрать всех, улетите только ты, Атрахаис, Лилит и Ной, все остальные будут перенесены в Главный Компьютер корабля

в виде генетических матриц. И возьмите с собой по паре всех имеющихся на Земле первородных животных. И возродите вы всех людей, когда приземлитесь обратно на Землю, и размножатся животные, и будут жить с вами и вокруг вас!

За год до отлета мы подготовим и передадим тебе генетические и ментальные матрицы всех людей, живущих в Ноде, а также детей от смешанных браков, и их детей, от ваших женщин!

– Зачем они нам?

– Удивлен я, услышав от тебя такие слова, Атрахаис, ведь они тоже люди и имеют право на жизнь после смерти, как и ты. Они ведь не виноваты, что фактом своего рождения отличны от вас! Спасти надо все живое!

Упал я на колени перед Энки и возблагодарил его за все, что он сделал и сделает для людей, и сказал, что восславлю имя Его на веки веков.

– Встань, брат мой, с колен, и не поступай так никогда и ни перед кем, потому что считаю я тебя, Атрахаис, равным себе, наделенным разумом и душой. Но знай, придет время и прилетят вновь за золотом другие Нифилим, вернуться Падшие Ангелы, которые неприятно удивятся, увидев род человеческий процветающим, и будут угнетать и притеснять вас. Но не бойтесь ничего, укрепляйте веру свою, ищите помощи у Смотрящих, и живите, ожидая прихода Вседержателя, который рассудит по делам вашим!

Сотни тысяч лет прошли на планете Земля. Многое изменилось с тех пор, возникали и разрушались империи, гремели войны и природные катаклизмы. Тайна создания человечества канула в лету вместе с исчезнувшей шумерской цивилизацией, оставив едва уловимый след в священных книгах современных религий, в легендах многих народов планеты. Но одно осталось неизменным – восходы и закаты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хвост, толкаемый своей лицевой стороной и ударяющий по ветру, заставляет двигаться птицу внезапно и в противоположном направлении.

Леонардо да Винчи

Одним ранним утром, когда домовые сладко посапывали во сне за диваном, в мою дверь нерешительно постучали. Нехотя встав с кровати, скрипнувшей продавленными пружинами, разгоняя обеими руками солнечную пыль, я побрел из спальни к входной двери, навстречу судьбе.

Спросонок, ударившись о косяк, я подумал, что меня зовут Иуда Искарот, или Заратустра, может, и как-то иначе. Я жил долго, целую вечность, и каждое утро узнавал свое отражение в зеркале так же, как и сегодня, мучительно пытался вспомнить свое имя. Через мгновения боль ушла вместе с полившимися сладостной росой слезами, а стук в дверь сде-

лался громким и настойчивым.

Открыв дверь, я увидел участкового с благостным лицом попа-растриги, говорящего что-то о шуме в одной из квартир, который я должен был услышать.

Отвечать не хотелось, потому что воспоминания о прошлых жизнях нахлынули на меня как вихрь, сменяя в гармошку мозг и выдавливая из сухой глотки странные слова на давно забытом языке. Это почему-то привело участкового в состояние, близкое к нирване.

Собравшись с силами, я спросил, что случилось, и, получив в ответ полный задора взгляд, узнал, что в нашем подъезде нашли мертвого человека женского пола. Тело разнообразно разрубили на части, красиво обернули в подарочную бумагу и живописно раскидали по углам площадки. Не ожидая от меня ответа, участковый подмигнул, и исчез в утреннем сумраке лестничной клетки.

Тучи клубились над городом, спускаясь к крышам домов. Гроыхало так, что закладывало уши, и причудливо огромная ветвистая молния разорвала на части тьму, стало светло, как днем, и внезапно в моей больной голове вновь замелькали кадры немого кино, открывая неизвестные мне подробности моей прошлой жизни.

Накинув на себя плащ, я вышел во двор, где ожидал меня желтый, как подводная лодка, узик, чтобы отвести морг для опознания трупа.

– Почему меня? «Разве один я живу в этом доме?» —в

недоумении спросил я.

– Не один, – сказали мне. – Но прошлой ночью участковый Серафим имел видение, в котором Ангелы Саной, Сансаной, и Самнаглоф пришли к нему и поведали, что ты есть проводник между небом и землей, и один ты знаешь, что было, есть и будет.

«Мир сошел с ума! – подумал я. – Если участковый по ночам беседует с Ангелами, и поэтому я должен ехать в морг на опознание неизвестного мне трупа, то куда катится этот мир? Видимо, конец его близок, как никогда!»

В прозекторской на столе гладком и таким длинным, что край его изгибался и уходил за горизонт; лежала, сложенная из частей найденных на лестничной клетке, Она, та девушка с автобусной остановки.

И была у нее улыбка на лице, и шел от нее красный свет, и имя ее, как копье, пронзило мне сердце, и вспомнил я его:
– Лилит!

Слезы душили меня, не отвечая на вопросы следователя, с душой полной скорби, я вышел на улицу и сказал поджидавшему меня у машины участковому Серафиму.

– Серафим, помню я только имя ее и ничем более не могу помочь тебе, во всяком случае, сейчас, пока сам не разберусь, что произошло!

– Подумай! – сказал Серафим. – Может, вспомнишь чего, так дай знать, потому что знаю я: есть связь между вами, и придет время, и вспомнишь ты все, и придешь ко мне с от-

кровениями, и поразишь меня историей своей жизни, которую ты сейчас забыл!

Жизнь не бывает хорошей или плохой, она такая, какая есть, или ее нет вовсе.

Другое дело, что она бывает серой и скучной или яркой и насыщенной событиями.

Моя была скучной: я работал, думал, что люблю одну хорошую женщину по имени Ева, смотрел футбол и по пятницам пил пиво с друзьями в заведении неподалеку от дома.

Возвращаясь, я иногда заглядывался на звезды и пытался вспомнить что-то важное, но никак не получалось. Да, в общем-то, и не хотел, потому что знание будущего пугало меня и не примиряло с прошлым и настоящим. Все события моей жизни выстроились в линейку, как солдаты на плацу, и были простыми, напоминая надпись на могильной плите: «родился – умер».

Независимость – очень условное понятие, когда ты не знаешь, кому и что должен ты и кто и что должен тебе. В этом смысле я был очень независим, потому что не думал ни о ком, и никто не думал обо мне, исключая женщину, с которой я жил. Она была такой тихой и незаметной, как старая пожелтевшая от времени фотография в ящичке стола, и я о ней не вспоминал, пока не видел ее прямо перед собой.

По ночам меня беспокоили видения, невнятные и зыбкие, как утренний туман, и я не помнил ничего из них, просыпа-

ьясь. Они оставляли слабый голографический след в сознании, бередящий душу, назойливые как зубная боль, вызывая томление духа и странную слабость в теле.

– Не знаю, что и делать с вами! – как-то летом сказал мне доктор, присев на край кровати. – Вы вроде бы и здоровы, а продолжаете мечтать о прошлом, имя которому будущее, оно вводит вас в смятение, и не дает осознать, что мир гораздо проще, чем вы его представляете.

– Этого мира вообще нет! – упрямылся я. – Во всяком случае, для меня. Есть отражение другого мира в вашей голове, который вы и принимаете за реальность.

– Не вижу большой разницы, – продолжал настаивать доктор и, сев в позу лотоса, позвал медсестру. – Дайте ему два кубика галлопиридола сейчас и аминазин утром. Я думаю, ему это поможет совместить наши миры.

И они совместились, и я оказался там, где был всегда по пятницам: в пивной недалеко от дома.

В этот раз я засиделся дольше обычного и, выйдя на улицу, пошел неспеша, думая о том, что неплохо было бы, слетав на Луну или какую-нибудь другую планету что-то попытаться изменить в моей жизни к лучшему, и эти похожие на охлажденку мысли кружились над моей головой, падали в ладони, струились как песок сквозь пальцы.

Шел я долго и вдруг увидел, что большим шумным китом

к автобусной остановке подплыл автобус.

Из его чрева горошинками посыпались люди, и среди них была Ты, превратившая серый, как осенний, нудный дождик, вечер в солнечный полдень, и все закрутилось и завертелось, как чертово колесо.

С рядом стоящей колокольни сорвалась стая ворон и, пролетев между нами, зависла в воздухе, галдя и отталкивая меня от Тебя, испугав нас до невозможности.

Вскрикнув, Ты исчезла, и я увидел грязную стену, испи-санную надписями на непонятном языке, и тонкий золотой след маленьких ступней, становящийся все более прозрач-ным с каждой секундой.

Я встречал Ее много раз в разных частях громадного го-рода, но каждая встреча заканчивалась, так и не начавшись, на той же остановке в компании ворон и одиночества.

Как-то раз тусклым осенним днем, когда жизнь кажется особенно безнадежной, я шагал по тропинке в парке мимо маленького пруда, затянутого ряской, и вдруг оказался в кра-сивом белом городе, лежащем в низине. Я мгновенно узнал залитый солнцем Иерусалим. Я был не один, мы все верну-лись в Город после долгого отсутствия, и радовались как де-ти, не зная, что станет с нами и не беспокоились об этом, потому что знали, что раз за разом мы будем возвращаться сюда хоть ненадолго, хоть на самую малость. И это делало нас счастливыми.

По дороге из Иерусалима я поднялся в гору и сразу оказался все в том же парке на берегу пруда под мелкими каплями осеннего дождя, один, в печали и в ожидании перемен.

Краски осени затопили все вокруг яростным цветным дождем, в водовороте листьев трудно было разглядеть лица людей, обращенных к небу, ожидающих чуда, но не получивших его. Другие же, не ожидая ничего, бились на тротуарах, как рыбы, выброшенные из аквариума, широко разевая рты, глотая обжигающий воздух.

Ты появилась из ниоткуда прямо передо мной и, взяв меня за руку, сказала:

– Ты мой, я знаю тебя тысячи лет, и когда ты вспомнишь все, ты растворись во мне, и будем мы одним целым!

Рука твоя была горяча, как огонь, что по ночам сжигал мою душу, и глаза твои горели, как далекие звезды. И видел я в них тебя и себя, идущими по дороге в жизнь, которую я никогда не имел.

Среди окружающего безумия только ты и я сохраняли спокойствие, встретившись наконец наяву, утопая в глазах друг друга и крепко держась за руки.

Никогда больше в жизни я не чувствовал себя таким уверенным и счастливым, как в тот далекий момент, когда звезды падали на нас водопадом, и не было под Солнцем и Луной лучшего места на земле, чем та автобусная остановка, где я увидел тебя первый раз.

– Меня зовут Лилит!¹¹ – сказала ты, и любовь убила меня навсегда, отняв разум и душу, оставив только чувства, затопившие меня с головой.

В ту же минуту я забыл свою прошлую жизнь, превратившись в сон, и пошел за тобой по дороге в никуда, зная, что обратного пути не будет.

...Я любил ее так, что мое сердце переставало биться, когда я терял ее из вида, и пыталось выскочить из груди в ее протянутые ладони, когда она возвращалась. Лилит была совершенна, как Вселенная, ее поцелуи сводили с ума, ее обнаженное тело светилось, как солнце. Я поклонялся ей, как богине, и она могла заниматься любовью бесконечно, раз за разом погружая меня в бездну безудержного счастья и отчаяния, что это когда-нибудь закончится, доводя меня каждый раз до полного безумства и опустошения!

Лилит ничего не помнила из своей прошлой жизни, но я напоминал ей бесконечно близкого ей человека, навсегда исчезнувшего из ее судьбы так давно, что произошедшее воспринималось размытым оттиском с истертой гравировальной доски, бережно хранимом в потаенном уголке ее памяти. Но даже эти смутные образы подсознания являлись для Лилит очень важными, потому что больше никто и ничего

¹¹ Лилит – первая женщина созданная Богом в Эдеме, вместе с Адамом (Быт. 27); согласно каббале, изгнанная из Эдема и ставшая супругой Сатаны – Господиня Другой Стороны.

не связывало ее с этим миром. Она была уверена, что со временем вспомнит все, что с ней было. Это очень беспокоило меня, потому что я тоже не помнил ничего из своего прошлого, кроме перманентного, на грани сумасшествия, влечения к ней и иррационального ужаса от возможной потери ее, связанного, как я думал, с ночными кошмарами, мучавшими меня постоянно.

Раз за разом Лилит вспоминала незначительные, пока не связанные между собой эпизоды своей прошлой жизни, в которых где-то там за кадром иногда появлялся и я. Эти вспышки воспоминаний пока не вели к катастрофе, но медленно обрастали подробностями, могущими впоследствии сложиться в целостную картину произошедшего с ней.

Мы жили в маленьком доме на берегу реки на окраине Москвы... Или Вифлиема... Или в другом мире... Кинопленка постоянно обрывалась, и панорама города была нечеткой. Жили мы небогато, и я нередко замечал, что Лилит плакала от жалости ко мне, а может, и к себе, видя, что несмотря на все усилия я, не владея или не помня никакого ремесла, с трудом добывал средства на хлеб насущный. Она медленно вспоминала наше прошлое. Это было ясно по тому, как иногда глаза ее загорались холодным красноватым огнем, речь становилась отрывочной и бессвязной, и она, не отвечая на вопросы, замыкалась в мире своих грез.

Я читал книгу, а ты готовила обед и улыбалась мне так,

как будто мы не виделись целую вечность. У тебя в гостях сидела соседка, с которой вы оживленно беседовали, слушали радио и беспрестанно смеялись. Наши соседи были очень милые люди. Они работали на местной верфи по ночам и отсыпались все утро, выходили во двор после обеда посидеть на лавочке под каштаном, бездумно глядя в небо и покуривая травку. Запах разносился по всей улице, и местная шпана все время болталась вокруг нашего двора, злобно поглядывая по сторонам. Муж соседки весело пререкался с лоботрясами и отсылал их подальше, так далеко, что даже я не знал туда дороги. Однажды, когда мы жарили вместе шашлыки во дворе, подъехала машина, из которой вышел молодой парень в штатском и двое милиционеров. Они зашли во двор, и парень, отозвав мужа соседки в сторону, стал что-то объяснять, размахивая руками на манер сигнальщика на корабле. Было видно, что муж соседки не соглашался на предложения парня в штатском, и что это страшно злило последнего. Вдруг лицо парня перекошилось в ужасной гримасе, и он со всего размаху заехал мужу соседки в нос. Сосед от неожиданности свалился на землю. Подскочившие тотчас же милиционеры стали молча избивать его ногами. Жена соседа закричала во весь голос, а я, подойдя к парню в штатском, попросил его прекратить безобразие.

– Ты че бормочешь, чмо болотное? Глохни, каторга! – прошипел он, как кобра перед броском, сплюнув мне под ноги. – Больше всех надо что ли? Смотри, тоже схлопочешь в

рыло, как здрасте!

– Попрошу вас выбирать выражения, вы все-таки представитель власти! – ответил я.

– Да чего с ним тереть, с волчарой позорным! – завопил один из милиционеров, и так двинул мне прикладом автомата в бок, что я надолго потерял интерес к беседе.

Милиционеры ушли, унося с собой запах оружейной смазки и твердые носки форменных ботинок. Придя в себя, я спросил мужа соседки:

– Что это было и зачем они приходили?

Утирая кровь с лица разорванной при падении майкой, он долго молчал, но позже притиснутый в угол двора моими вопросами, разговорился.

– Понимаешь, братан! – сказал он, – жизнь непростая штука, надо как-то вертеться, на одну зарплату, блин, не проживешь. Есть у меня кореш, вместе чалились на киче, и когда я откинулся, так он дал мне с собой маляву, в которой был адресок одного делового парня. Когда мы встретились, тот мне предложил торговать травкой на верфи. Ну, я согласился!

– Предположим, я понял. Но причем тут милиция, они же не арестовывать тебя приходили?

– Ну, нет! Ты че, в натуре, не понял в чем дело?

– Нет, не понял я ровным счетом ничего!

– Да менты эти – крыша того делового, работают они вместе. А я товар взял, а бабки отдал не все, вот и вся недолга.

А теперь торчу двадцать кусков зелени!

– И что же будет с тобой теперь? Ведь, как я понял, угоривать они не любят.

– Дак они мне уже все обрисовали: если не отдам деньги за три дня, то сначала жену наладят передком должок отработывать, а я, если хипеш устрою, уруют так, что ни одна больничка не примет!

Все это время Лилит сидела на траве, не участвуя в разговоре, уставившись в одну точку, время от времени произнося фразы на смутно знакомом мне языке. Фразы звучали, как некое заклинание, которое приводило к тому что монологи ее становились все длиннее и, как мне казалось осмысленнее, и наконец она, потеряв сознание, упала на траву, забившись в конвульсиях. Оставив все разговоры, я поднял ее на руки и понес в дом, уложил ее на кушетку, принялся приводить ее в чувство, похлопывая по щекам и пытаясь влить ей в рот воду с валокардином. Вдруг Лилит закашлялась и приподнялась, придерживаемая мной за плечи.

– Оставь меня, я сама! – сказала она, голосом холодным как лед, со мной все в порядке! Просто я чересчур много вспомнила, и мой мозг отключился, не выдержав напора информации, временно перекрыв порты ее приема!

– Что ты вспомнила, Лилит? Скажи мне, я сгораю от нетерпения!

– Не могу пока ничего сказать точно, потому что воспоминания эти разрозненные, никак не объединяются в общую

картину. Одно я знаю наверняка: я должна срочно встретиться с деловым партнером нашего соседа, и это встреча полностью изменит нашу жизнь, сделав ее намного лучше и комфортней!

– Зачем тебе это, Лилит, он же заурядный бандюга! Что может быть общего у тебя с таким человеком?

– Милый, ты должен верить мне, прошу тебя, не задавай лишних вопросов. Я многое вспомнила, в том числе и кое-что, в чем очень нуждается этот бандюга. А мы нуждаемся в деньгах, потому я смерть как хочу переехать из нашего шалаша в современную квартиру со всеми удобствами. Да и вообще, мы с тобой заслуживаем лучшей жизни, уж это я знаю точно. Поэтому просто найди этого милиционера в штатском, и устрой мне встречу с его хозяином! Кстати, скажи ему, что я улажу проблему с нашим соседом!

Река была маленькой, чистой, и мы часто плавали по ней на лодке. Чтобы суденышко никуда не делось, я привязывал ее к причалу, сооруженному мной из обрезков досок. Я купил их у сына местного плотника, известного своей исключительной ученностью и склонностью к философским рассуждениям и потому нуждающемуся в деньгах. Сколько раз я присутствовал на его выступлениях на заседаниях кружка, собираемого увливающим от работы рыбаком и безработным таможенником. Они плакались друг другу, что Бог, сотворив Мир, оставил их страдать, и вся жизнь является бес-

конечным искуплением грехов.

– Послушайте! – говорил я им. – Бог не оставил нас, поскольку Он, являясь Всем Сущим, в том числе и нами, не может оставить Самого Себя, будучи непрерывным процессом одновременного создания и постижения мироздания. Как любой многофакторный и непрерывный процесс, он подвержен флуктуациям, не ограниченным причинно-следственными связями в рамках квантовой хронодинамики, и эти выбросы на графике функции внутри и вовне процесса создания Всего Сущего и есть факты и события нашей жизни, никоим образом не зависящими от нашего сознания, ошибочно принимаемый вами за детерминизм Того, чье Имя неизвестно!

Неистовое Мессианство, применяемое членами кружка, вызванное к жизни первобытным страхом расплаты на грядущем Страшном Суде, с удручающей неизбежностью вело сына плотника к принятию на себя всех грехов человечества и последующей мученической смерти во имя их Искупления перед Творцом Всего Сущего, которое, по разумению его последователей, и представляет из себя дорогу из прошлого в будущее через настоящее. Присущая им к тому же жесткая ориентация на Всеобщую Любовь и Сострадание, окончательно приводили меня в состояние горестного недоумения. Я убеждал их:

– Люди, все, что вы говорите о пути человека, является ошибкой и заблуждением, проистекающим из попытки ра-

ционального мышления, ошибочно заложенного в нас при первичном создании в виде программного кода на основе ДНК, написанного Левиафаном и, как следствие, попытки создания целостной картины Сущего на основе физическо-го изучения окружающей нас вымышленной реальности, тогда как безумие есть единственно верное состояние нашего разума и ключ к пониманию жизни, по своей сути существующей в виде трансцендентного Отражения Суперголограммы матрицы Бытия Всего Сущего, созданной Вседержителем в нашем сознании, и представляющей из себя перманентное сражение Добра со Злом с неизвестным финалом, размазанным тонким слоем по бесконечной, к тому же односторонней, плоскости Бытия наподобие петли Мёбиуса, а конфликт заключается в том, что размышляя о жизни как о функции в четырехмерной системе координат, вы верите в имманентное будущее и мнимое прошлое, а в действительности пребываете в петле прошлого, настоящего и будущего, существующих одновременно и растянутых в виде плоского тела, в котором конец по определению совпадает с началом!

В очередной раз столкнувшись с полным непониманием присутствующих, за исключением сына местного плотника, который ласково и загадочно улыбаясь, никогда не принимал участия в спорах со мной, я был изгнан с собрания и направился к причалу. Там меня ждала Лилит, так как мы собирались на рыбалку. Рыбы в реке было немного, но время от времени она все-таки попадалась на крючок. Вернув-

шись с уловом, дрожа от утренней прохлады, я чистил пойманное, сидя на причале, и посматривал на тебя, пристроившуюся рядом, и время от времени следил за твоим взглядом, рассеянно скользящим по воде. Потом мы занесли рыбу в дом и долго сидели, обнявшись, не произнося ни слова, согревая сердца друг друга. Ты тихо заснула, и я, осторожно, стараясь не разбудить, уложил тебя на кровать, укрыв серым верблюжим одеялом, вышел из дома, просто так, без всякой цели, как вынесенный наружу воздушный шарик, наполненный счастьем.

Прогуливаясь вдоль реки, я оказался в районе Крылатских холмов, и залюбовавшись только что построенным мостом, соединявшим две части Третьего кольца, столкнулся с сидящем на камне человеком в оборванной одежде. Тот, схватив меня за руку, обратился ко мне с вопросом:

– Где ты был так долго, и почему оставил меня одного просить у Бога за то, что сделали не Мы?

– О чем ты? Не знаю я тебя, и не понимаю слов твоих!

– Проснись, конец истории уже близок!

И я проснулся и увидел, как реки крови текут по содрагающийся земле, как люди убивают себя, и бросают в огонь младенцев, отнятых от матерей.

Как же это случилось? Ведь мы были всем, и все было нами, мы любили друг друга, мы были молоды и красивы, и полными веры и сострадания.

А потом пришли Они, и научили нас ненависти и всему тому, что мы знаем и умеем. Мы несем это знание, как крест, он пригибает нас к земле, заставляя ползать подобно червям. Не говоря ни слова правды, в грехе и гордыне, мы живем в темноте, не зная пути.

И вспомнил я, что имя одетого в лохмотья человека было Енох. И еще сказал он мне:

– И едва я, Енох, прославил великого Господа и Царя мира, как меня призвали стражи, – меня, Еноха, писца, – и сказали: "Енох, писец правды! Иди, возвести стражам, которые оставили вышнее небо и святые вечные места, и развратились с женами, и поступили так, как делают сыны человеческие, и взяли себе жен, и погрузились на земле в великое развращение: они не будут иметь на земле ни мира, ни прощение грехов: ибо они не могут радоваться своим детям. Избиение своих любимцев увидят они, и о гибели своих детей будут вздыхать; и будут умолять, но милосердия и мира не будет для них».

Енох остановился, перевел дух и продолжил:

– И я пошел и сказал Азазеле: «Ты не будешь иметь мира; тяжкий суд учинен над тобою, чтобы взять тебя, связать тебя, и облегчение, ходатайство и милосердие не будут долею для тебя за то насилие, которому ты научил, и за все дела хулы, насилия и греха, которые ты показал сынам человеческим».¹²

¹² Кумранские рукописи. Енох, Книга третья.

И спросил Енох меня: «Как же мы будем жить дальше? И на кого полагаться?»

– На волю Господню, – ответил я ему, – ибо все в руках его, и не можем мы противиться Ему, а пойдем путем, предначертанным Им, до конца, как бы ни был он долг и горек. И дорога наша назад, к истокам. И там, в другом мире, где нет ненависти, любви и страха, мы будем вновь счастливы, потому что свершится наша судьба, и увидим мы Его, и ответим за все, что сделали в суете своей, не ведая, что творим.

Напуганный увиденным и услышанным, с тяжесть в сердце, я выполняя просьбу Лилит пошел к соседу, с наслаждением зализывающим раны, и спросил, где я могу разыскать его обидчика в штатском для неотложного разговора, который пойдет на пользу всем, в том числе и временно находящимся в физиологическом состоянии под названием Жизнь соседу.

Сосед не стал долго упираться и сообщил, что я могу найти этого представителя породы гиеновидных собак, в местном отделе внутренних дел на втором этаже в кабинете № 13, сопроводив меня подробным и нецензурным описанием всех его родственников со стороны матери, сделав акцент на их весьма странных сексуальных пристрастиях.

Увидев меня в своем кабинете, представитель африканской фауны страшно удивился и агрессивно задвигав ушами, задал мне непростой для понимания вопрос:

– У тебя, козел безрогий, крыша поехала или хочешь за мой счет получить пенсию по инвалидности?

– Послушайте, – сказал я ему, – давайте оставим оскорбления и непонятные вопросы и поговорим, как нормальные люди, поскольку у меня есть предложение, могущее вас заинтересовать!

– Ну, хорошо, – сказал парень в штатском. – Даю тебе десять минут на изложение своей жизненной позиции.

– Моя жена хотела бы встретиться с вашим хозяином. У нее есть весьма выгодное и перспективное предложение, а проблему соседа мы берем на себя!

– А больше твоя бикса...

– Пардон, мы же договорились без оскорблений.

– ...Я имею в виду жена, ничего не хочет?

– Нет, больше ничего, поэтому будьте настолько любезны, позвоните хозяину и передайте ему наше предложение!

– Слышь, ты не гони коней, чертило, блин, прости, опять сорвался, дай подумать!

Парень долго слонялся по кабинету из угла в угол, ковырял в носу и в ушах, и часто поддегивая штаны, с большим интересом разглядывал рыбок в аквариуме. В тот момент, когда мое терпение истончилось до толщины иглы для подсчета Ангелов, он наконец позвонил хозяину.

– Алло, – проговорил он унтер-офицерским голосом. – Да были мы у этого лоха! Нет, денег у него нет... Да так, поучили немножко, дали ему три дня... Нет, тут такое дело: там

были его соседи: муж с женой. Странные такие типы, особенно жена. Так вот, пришел ее муж и говорит, что его жена хочет встретиться с вами с каким-то очень интересным предложением, а долг лоха они берут на себя. Что? А-а, это без вопросов, слов нету! Понял, будет сделано!

Повернувшись ко мне, он сказал:

– Завтра около двенадцати ночи пусть приходит в клуб “Лунное затмение”, одна. Там ее найдут и приведут к хозяйину! Въехал в тему, корешок?

– Я все понял, спасибо за понимание, – сказал я и покинул кабинет.

Вернувшись домой, я передал Лилит суть нашего разговора с крышей хозяина, а также приглашение посетить клуб завтра ночью. Лилит была очень довольна и выглядела весьма сосредоточенной, излучая уверенность в победе. Она сидела в интернете, и взглянув на экран, я увидел множество открытых страниц с текстами на шумерском и арамейском языках.

Наступило утро следующего дня, я нервничал по поводу предстоящего ночного похода Лилит в логово порока и, как я был уверен, разврата.

Лилит выглядела абсолютно спокойной, сидела на полу в странной, какой-то нечеловеческой позе. Она очень редко дышала, впав в транс, сопровождаемый заунывным пением на странном языке, который, как мне казалось, я слышал очень давно. Тон пения изменился, и от фигуры Лилит начал

исходить красноватый свет, в воздухе запахло озоном.

Так продолжалось несколько часов, после чего, встав с пола, Лилит сказала мне:

– Все, дорогой, я полностью готова и должна идти! Не волнуйся, я справлюсь, доверься мне! – сказала она, взяв меня за руку, и я отскочил в сторону, ужаленный разрядом статического электричества. – Извини, издержки производства, холодно произнесла Лилит, быстро собралась и ушла из дома.

Пришла она под утро, возбужденная и до краев наполненная энергией, я никогда не видел ее такой. На мой вопрос, как прошли переговоры, она радостно ответила:

– Все прошло замечательно, даже лучше, чем я ожидала! Я частично вспомнила свое прошлое и дала хозяину клубя рецепт нового наркотика, который не действует без моего финального воздействия. Так что мы будем теперь работать вместе, зарабатывая столько денег, что даже сложно себе представить!

– Но как же так, Лилит? Ведь мы другие люди, и я не хочу быть преступником, стирающим сознание других людей, и жить в постоянном страхе разоблачения! – со слезами на глазах проговорил я.

– Мы еще хуже, ты просто еще не вспомнил, кто ты есть, а когда вспомнишь, поймешь меня! Самое важное, я люблю тебя, а ты меня, и мы не можем жить друг без друга!

– Но, Лилит, если ты знаешь, кто я, то скажи мне, и я при-

му все, что бы это ни было!

– Я не могу сделать это, только ты сам, через серию превращений, придешь к пониманию своей сущности, которая может привести тебя к катастрофе, и я не в силах ничего изменить в порядке вещей, не имею права, его у меня отобрал очень давно Тот, чье Имя Неизвестно, да и не хочу способствовать этому! Так что спокойно живи в ожидании возвращения твоей личности, оставь угрызения совести мне, так как я к ним готова, и не беспокоят они меня!

На этом наш разговор закончился. Лилит, утомленная, легла спать, а я все ночь примерял себя к существующей действительностью, в которой главным являлась моя безоглядная любовь к Лилит. К утру, окончательно подавив остатки сомнений, я уже находился во временном согласии с самим собой.

Лилит работала ежедневно, и каждый день наша жизнь менялась к лучшему. Мы оставили домик у реки и переехали в огромную новую квартиру на бульваре, Лилит одевалась в лучших бутиках Москвы, мы стали ездить за границу и проводить время в кругу друзей, появившимся во множестве.

Была пятница, и мы собирались в гости к друзьям за город. Дороги напоминали ленты для ловли мух, и мы медленно ползли вперед, с трудом отлепляя колеса от асфальта. Сигаретный дым плавал в салоне белесым киселем, сквозь него я с трудом видел твое лицо, освещенное все той же улыб-

кой, ты что-то говорила, что-то незначительное. И вдруг в какой-то момент замолчала, и, оглянувшись назад с видом напряженным и испуганным, ты сказала, что они уже близко и преследуют нас.

– Кто они? – спросил я. – Перестать меня разыгрывать! Кому мы нужны кроме вечности?

У нее и раньше бывало так, что среди ночи она будила меня, поскуливая от страха, видения окружали ее толпой призраков, и она просила меня поговорить с ними и заставить их уйти. Это обычно заканчивалось очень быстро, и она засыпала в моих объятьях, сладко посапывая, и прижимаясь всем телом.

На этот раз все было по-другому, она пребывала в ужасе, непрерывно шепча:

– Будь ты проклят, Гавриил, будь ты проклят! Неужели ты снова нашел меня?

– Дорогая, кто этот Гавриил? – спросил я.

– Никто! – сквозь зубы ответила Лилит. – Я просто оговорила.

Вдруг черты ее лица стали плавиться, как воск, находясь в непрерывном движении. Временами я не узнавал ее, лица других женщин появлялись и исчезали перед моими глазами, перетекая одно в другое, наконец все закончилось и стала она тем, кем и была – моей Лилит.

Страх остался, он был физически ощутим, как слабый аромат странных духов, но потихоньку улетучивался сквозь

приоткрытое ветровое стекло, и ты снова заговорила о пу-
стяках, делая вид, что ничего не случилось.

По дороге обратно все было как обычно. Ты спала до са-
мого дома, а я думал о тебе, и мысли мои были черны и без-
радостны.

И видел я сверху все линию жизни своей, и знал наверня-
ка, что нет тебя в будущем моем, что произойдут ужасные
вещи, и жизнь моя разрушится, и окажусь я в начале пути,
обездоленный и без права на надежду.

Мысль о том, что моя Лилит будет принадлежать кому-то
другому, взрывала мой мозг, и превращала мою любовь в ка-
ру Господню, а нашу судьбу в череду событий, подробно опи-
санных в Книге.

Обреченные на любовь, мы беззащитны перед теми, кого
любим.

Порой одного из нас это любовь вовлекает в порочный
круг ненависти, разрушающей твою личность до основания,
до самого дна, где нет ничего, кроме мрака и безысходной
тоски.

Ты любишь и ненавидишь, балансируя на грани яви и сна,
разума и безумия, падая вверх в лучах света Черной Луны.

Мягкий, но настойчивый шепот ее отключает все мысли,
и открывает шлюзы, затем поток информации затопляет мозг
и, – бум: происходит перезагрузка, и новые программы за-
гружаются в центральный процессор, строя новую перефери-
рию внутри тебя, делая другим, смертельно непохожим того,

кем ты был на самом деле.

Лилит, Лилит, моя Черная Луна¹³, любовь моя и ненависть, жизнь моя и смерть моя. Зачем я повстречал тебя однажды, и превратил свою жизнь в крошечный ад доверия и подозрений, безумной страсти и жажды смерти?

Я давно находился дома и, сидя на подоконнике, бездумно глядел вниз на спящих торговцев, заполонивших кривые улочки Иерусалима. Вот прошли римские легионеры, ведущие перед собой закованных в цепи рабов, кричавших что-то в толпу на арамейском языке, толпа колыхалась как вода, в ней возникали волны и водовороты, из которых в рабов летели кости и проклятья. Густой и желтый от пыли и жары воздух с трудом проходил в легкие, заполняя их до отказа черной тоской и горькими, как поцелуй смерти, предчувствиями.

Вдруг вдалеке в наступающих сумерках, когда благодатная прохлада, опускаясь на город, вытесняет грусть из сердца, на углу Пречистенки и Гоголевского бульвара я увидел твою тонкую, сотканную из радости фигуру, идущую к дому. Остановившиеся вмиг машины, пропустили тебя, и ты, перейдя улицу, посмотрела наверх и, увидев меня, радостно

¹³ Черная Луна – мнимая планета, он же мнимый фокус эллиптической орбиты Луны, символ Дьявола у всех древних народов. Считается, что в этом районе космоса изменяется пространственно временной континуум нашей Вселенной, и осуществляется связь с иными вселенными, или сверхразумом, живущим по другим, отличным от наших, физическим законам.

улыбнулась и вошла в подъезд.

Днем в маленьком парке больницы было многолюдно, в воскресенье родственники навещали пациентов. Честно говоря, и тех, и других трудно было отличить друг от друга, потому что они все болтали как заведенные о какой-то чепухе. Глаза их горели, и невысказанные мысли и чувства роились вокруг голов, как осы, жаля врачей и медсестер, которые падали замертво и тут же оживали, отряхиваясь, как бычки на пастбище, недоуменно смотря по сторонам.

Я сидел на лавочке под раскидистым дубом, и, глубоко вдыхая дым сигареты, думал о вечном, как навозная куча у колхозного коровника, вопросе: что делать дальше?

Остаться в больнице и постигать таинство перерождения под руководством доктора дзен-буддиста, называемого мной доктор Менгеле¹⁴ за страсть к проведению диких опытов над пациентами, или вульгарно дернуть через забор и затеряться в сомнениях больших городов, дабы самому отыскать решение непростого вопроса бытия в качестве вновь образовавшегося члена гражданского общества?

Видимо, укушенный моей нетленной мыслью доктор решил не искушать судьбу и, лихо отплясывая чарльстон, подошел ко мне, взял под локоток, под стройные крики медперсонала: «О МАНЕ ПАДМЕ ХУМ»¹⁵, повлек меня в за-

¹⁴ Доктор Менгеле – в 1943–1945 гг. Доктор концентрационного лагеря Освенцим, получивший от заключенных кличку Ангел Смерти.

¹⁵ О МАНЕ ПАДМЕ ХУМ – мантра, чистоты тела, речей и разума Будды.

ветную палату, стены которой были обиты остатками пробковых шлемов великих путешественников, бормоча невнятные ругательства и призывы к соответствию карме, которая, как известно, шутить не любит, и требует безусловного повиновения.

Водворенный в палату, и посаженный под замок, я немедленно вышел через стену в свою квартиру на бульваре ровно в тот сладостный момент, когда открылась входная дверь и Лилит, счастье и боль всей моей никчемной жизни, оказалась в моих объятьях.

Дрожь волной прокатилась по моему телу, я застыл, как фаллический символ древних греков, и, вскрикнув, весь погрузился в нее, свернувшись, словно тугая пружина, внутри ее благословленного тела.

И когда, распрямившись, я оказался изнутри и рядом с ней, счастье заполнило меня, как ручеек весной, оно било через край, переполняя берега моего существования, растекаясь по нам золотистой, как солнце пленкой.

Мы долго лежали так, рука в руке, плавая в глазах друг друга, нарая в глубину и захлебываясь всплывали обратно, чтобы опять погрузиться в живительное тепло наших душ.

Следующим утром меня в очередной раз посетил участковый Серафим, и ловко прикинувшись массоном, предложил мне стать вольным каменщиком, заодно сообщив две невероятные новости:

– Во-первых, вчера, когда только разгорался костер ва-

шей любви, в соседнем здании произошел рейдерский захват Святого Духа, с его последующим освобождением группой обозленных на власть добровольцев, а во-вторых, на Рязанском заводе металлоизделий освоили новое производство специальных гвоздей для рук и ног, которых, – сказал он, – на всех хватит.

Отклонив лживое предложение лживого массона я, провожаемый долгими и бурными аплодиментами Серафима, вернулся в комнату и увидел тебя, в сильном волнении говорящей по телефону на шумерском языке, вставляя фразы на арамейском и санскрите. Не прерывая разговор, ты быстро оделась и направилась к выходу.

– Куда ты? – спросил я, задрожав от внезапной боли в сердце.

– Позже дорогой, я все объясню тебе потом! – на секунду оторвавшись от телефона, ответила мне Лилит. – Потому что не хочу вовлекать тебя в то, к чему ты не причастен, дабы не обречь тебя на вечные страдания, которые преследуют меня во сне и наяву!

Оставив меня в тягостном недоумении, ты ушла, не простившись, отпустив мне все мои грехи, своим исчезновением.

Шумело в ушах, в глазах плавали цветные мухи, которые, вылетая наружу, резво рассредотачивались по комнате. Увлеченный их пламенным полетом, я отвлекся от своих горьких мыслей и принялся ловить мух, приманивая их ме-

дом и египетскими заклинаниями времен Второй Династии. Посаженные в стеклянную банку мухи, переливаясь всеми цветами радуги, ползали по стенкам, смешно перебирая лапками.

Завороженный этим зрелищем, я краем глаза увидел телевизионный репортаж, из которого понял, что в городе происходят невероятные события.

На улицах стали появляться странные мужчины разного возраста с пустыми, как черная вода, глазами. Двигаясь удивительной дергающей походкой, выкрикивая одинаковые фразы на непонятном языке, они, в перерывах между расклеиванием Дац Дзы Бао¹⁶ неприличного содержания, часто и успешно грабили жителей, нанося им при этом слабой и средней тяжести телесные повреждения, оставляя тяжелый и горький осадок в душах.

Захваченные широкой, но дырявой сетью спецопераций, проводимых милицией, эти странные люди оказывали жестокое сопротивление, кусались и плевались, обещая всем страшную кару, ссылаясь на Черную Луну, умудряясь, каким-то образом произносить оба этих слова с заглавными буквами. Доставленные на допрос, они, по большей части, молчали, не отвечая на разнообразно задаваемые вопросы следователей, несмотря на применяемые сотрудниками органов защиты правопорядка нетрадиционные методы, в ос-

¹⁶ Дац Дзы Бао – высказывания Мао Дзе Дуна, расклеиваемые на листовках, молодежь, во время культурной революции в Китае.

новном, почерпнутые из телепередач о тюрьме в Гуантаномо. Иногда забитые в угол свидетельскими показаниями преступники плакали и быстро-быстро откусывая себе пальцы на руках и ногах, выкладывали их на полу в причудливые фигуры, тщательно изучаемые потом милицейскими психологами.

Большие милицейские чины разводили в сторону руки и ноги перед представителями прессы, как бы демонстрируя тем самым полное непонимание присходящего, но уверенно обещали восстановить порядок в Городе, прикрывая глаза и загадочно улыбаясь.

Смутное ощущение де жавю стучалось в мой мозг частыми ударами пульса, прося разрешения войти и открыть мне истинную картину происшествий. Я держался изо всех сил, плотно закрыв все двери и окна, для верности, забившись в угол комнаты, пытаюсь там впасть в медитацию, уставившись на зажатую в руках банку с радужными мухами. По каким-то непонятным причинам я не хотел нового знания, предполагая, что знание это заведет меня далеко в прошлое, из которого не будет возврата.

Мухи не помогли, и находясь в сильном беспокойстве по поводу внезапного исчезновения Лилит, многократно усиленное событиями в Городе, я решил выйти на улицу подышать свежим воздухом. Дойдя до угла бульвара, я купил в киоске пачку сигарет и вдруг вспомнил, что оставил дверь в квартиру открытой. Учитывая происходящие события, я ре-

шил на всякий случай вернуться и затрусил в сторону дома, мотая головой из стороны в сторону и тяжело вздыхая, как старая ломовая лошадь.

Обливаясь холодным потом, я ворвался внутрь квартиры, и закрыв за собой дверь на крепкий замок, обернулся и увидел ожидающего меня участкового Серафима в кресле перед телевизором.

– Ну что, – сказал он, – обездоленный друг мой, вспомнил ли ты что-то, интересующее меня?

– Послушай, Серафим, я ведь говорил уже тебе: не владею я никакими знаниями о женщине, интересующей тебя, хотя, вырвавшись из лап доктора Менгеле, я окреп духом и частично вспомнил свою жизнь, что началась еще до Великого Потопа сотни тысяч лет тому назад. Пойми же наконец, мой лучший после Адольфа Гитлера друг, все это было сотни тысяч лет назад, и память моя похожа на испорченный жесткий диск со стертыми наглухо кластерами, и потому искрит у меня в голове, как в сгоревшем процессоре, и не могу я точно воспроизвести картину мира.

– Понятно, – ответил мне Серафим, поднявшись с кресла. Походив по комнате, он в задумчивости присел на шкаф и стал измерять размер своих, черных и блестящих, как вороново крыло, сапог, используя при этом мистическом действии, вынутые из кармана наручники и пистолет Макарова.

Одновременно Серафим иногда шумно чесался и, принимая позу Журавля, не спуская с меня глаз, время от времени

обращался к некоему Великому Архитектору¹⁷, сообщая ему вычисленные объемы сапог, деленные на число пи и умноженные на значение золотого сечения.

Конечные цифры разнились меж собой значительно, Серафим нервничал и плевался, как мартышка в клетке, сетовал на продажных чиновников, закупающих некондиционную и не соответствующую стандартам продукцию, в частности, наручники, а также подробно разъяснял мне свою жизненную позицию, непрерывно используя матерные выражения в разнообразных всегда неприлично извращенных сочетаниях, с какими-то числами Фибоначчи.

Завороженный гипнотическими манипуляциями Серафима, я впал в транс, и очнувшись, выпрыгнул из небытия в кресло, стоящее посередине моей московской квартиры, окруженный со всех сторон скачущим на манер тушканчика Серафимом, продолжающего свой обличительный рассказ, в запарке и не заметивший моего недолгого отсутствия, мокрый, как мышь, и полностью обессиленный.

На эране телевизора, любезно повернутого ко мне Серафимом, находящегося в позе Мертвой лошади, ОМ ШРИ ГАНЕШАЯ НАМАХ¹⁸, я, полностью ощущая эффект присутствия, видел, что в ночном клубе "Лунное Затмение",

¹⁷ Великий Архитектор – обращение к Богу у масонов, вне зависимости от вероисповедания.

¹⁸ ОМ ШРИ ГАНЕШАЯ НАМАХ – мантра успеха в стремлении к глубинному знанию мира (санскр.)

принадлежащим Ордену Черной Луны, шла особая жизнь, гремела музыка; в разноцветном мельтешении бликов света, отраженных от зеркальных шаров, бегали взмыленные, как лошади официанты, гости пили, ели и, выходя из за столов вливались, в ритмично колышашуюся толпу танцующих, моментаً превращаясь в единый организм, похожий видом и поведением на амебу, находящуюся в стадии деления (митоза).

Перед отдельным кабинетом тусовалась небольшая группа людей со скорбными лицами и повадками агрессивно дрессированных животных. Было очевидно, что это хранители тела какой-то важной персоны. Они тусовались молча и разнонаправленно, перекрывая все доступы к кабинету, не вынимая руки из карманов. Развалившись на диване в обществе безликих продажных женщин, в кабинете находился хозяин клуба и, по соместительству, глава местного нарко-синдиката, в третий раз за год отмечающий свой день рождения. Он делал это всякий раз, когда смерть проходила мимо. Попытки смерти войти в его жизнь происходили часто, с удручающим однообразием.

Вся стена кабинета состояла из экранов, на которых мелькали кадры из зала клуба, похожие на шабаш.

Какие-то юркие личности мелькали между столиков, останавливаясь на время для короткого разговора, после чего часть гостей удалялась с ними и, возвращаясь через корот-

кое время, с измененными до неузнаваемости чертами лица, погрузились в буйное веселье, включая танцы на столах с последующим раздеванием.

– Кто это? – спросил хозяин клуба, указав на один из экранов.

– Мы не знаем, – ответили хором продажные женщины, – она не из наших, не видели ее никогда.

– Понятно, что не из ваших, я это вижу и без микроскопа, – оборвал их хозяин и, припав к экрану, как к иконе, принялся разглядывать появившуюся на нем девушку, цокая капытами, и дергая головой, словно лошадь, отгоняющая слепней.

Она стояла ослепительно красивая, густые черные волосы развевались вокруг ее головы, губы ее были алыми, как маковое поле, а глаза бирюзовыми, как море по утрам. Она шла как королева, как будто она находилась не в каком-то наркоманском шалмане, а на балу в Букингемском дворце, и сияние исходило от нее, как от луны, бледно желтое, с серебристым отливом. И улыбалась она отстраненной улыбкой, и толпа расступалась перед ней, как перед ледоколом, и ростом она выше всех на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.